

**ЛУЧШИЕ
ВОИНЫ
В ИСТОРИИ**

АЛЕКСАНДР НЕФЁДКИН

ВОЕННОЕ ДЕЛО ЧУКЧЕЙ

**ПЕРВАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ**

Якорь

**МОСКВА
2017**

УДК 355/359
ББК 68
Н58

Рецензенты:

доктор исторических наук, доктор филологических наук *А. А. Бурыкин*
(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)
кандидат исторических наук *К. А. Днепровский*
(Государственный музей искусства народов Востока, Москва)

Художник *Игорь Варавин*

Нефёдкин, Александр Константинович.

Н58 Военное дело чукчей. Первая иллюстрированная энциклопедия / Александр Нефёдкин. — Москва : Яуза: Эксмо, 2017. — 496 с. — (Лучшие воины в истории).

ISBN 978-5-04-088815-3

Сложно найти другой народ, чей образ в массовом сознании настолько бы расходился с реальностью, как образ чукчей — персонажи известных анекдотов просто не смогли бы выжить в жестоких условиях Крайнего Севера. Настоящие чукчи были умелыми и энергичными воинами, грозой арктического побережья, где между ними, коряками, эскимосами и русскими разворачивались самые северные войны в истории человечества. Несмотря на то что кровопролитное противостояние русских колониальных войск с чукчами продолжалось почти 150 лет, этот северный народ так и не удалось покорить силой, а командиры русских отрядов так отзывались о своих непримиримых противниках: «Чукчи — народ сильный, рослый, смелый, плечистый, крепкого сложения, рассудительный, справедливый, воинственный, любящий свободу и не терпящий обмана».

Новая книга ведущего специалиста по военной истории древних народов — первое в мировой литературе систематическое исследование военного дела чукчей (вооружение, тактика, стратегия, фортификация, война на море), рассматривающее его на всем протяжении известной по источникам эпохи, начиная со второй половины XVII века, когда чукчи впервые столкнулись с сибирскими казаками, вплоть до начала XX столетия, когда еще происходили вооруженные столкновения на почве кровной мести. Кроме того, эта богато иллюстрированная энциклопедия подробно описывает культовые аспекты войны чукотского народа (обряды, жертвоприношения) и важнейшие аспекты военного дела казаков Восточной Сибири — главных противников чукчей.

УДК 355/359
ББК 68

© Нефёдкин А.К., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Якорь», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-04-088815-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

В послевоенный период в обыденном народном сознании чукчи безапелляционно ассоциировались с героями анекдотов. Нельзя с полной уверенностью утверждать, откуда возник данный стереотип. Возможно, сказала, как считает английский исследователь С. Грэхем, некая крайность этноса: географическая, культурная, физиологическая. С другой стороны, нельзя исключить и влияние кинематографа, в котором чукчам уделяется едва ли не ведущее место среди народов Севера. В особенности следует назвать такой знаковый фильм, как «Начальник Чукотки» режиссера В. В. Мельникова (Ленфильм, 1966 г.), который не мог не повлиять на общественное сознание советских людей¹.

Однако в последнее время общественное сознание россиян в отношении чукчей стало постепенно изменяться. В частности, после появления в 2003 г. первого издания книги «Военное дело чукчей» интерес к чукчам возрос. Об этом ясно свидетельствуют не только печатные издания, но и активное обсуждение и отзывы в Интернете — интересующиеся читатели неожиданно открыли для себя, что чукчи являются не только героями анекдотов, но у них есть и славное военное прошлое: почти полтора столетия чукчи и стоящие за ними эскимосы противостояли натиску российских сил, стремившихся их покорить, что выражалось во взимании ясака и взятии аманатов. Даже такой писатель и одиозный политический деятель, как Э. В. Лимонов, посвятил истории русско-чукотских войн отдельное небольшое эссе. Впрочем, из всех этих работ оригинальны лишь статьи анадырского писателя Е. Ф. Рожкова (1943–2009), писавшего по личным впечатлениям и фольклорным материалам².

И на самой Чукотке также усилился интерес к теме, что связано с общим постепенным подъемом чувства национального самосознания у коренных народов округа и увеличением интереса к традиционной культуре, составной частью которой являлось военное дело. Конкрет-

¹ Грэхем 2007: 33–35; о феномене чукотских анекдотов см.: Бурыкин 2002: 67–70 (развитие темы о пошехонцах); ср.: Егоршев 2009; о фильме ср.: Брачун, Сахибгоряев 2009: 27.

² Ботяков 2003; Нестеров 2003; Шурхало 2004 (с массой ошибок); Рожков 2007; 2007а; 2008; Горосов 2011 (с рядом фактических ошибок); Косяченко 2013; Лимонов 2013: 288–291 (с рядом недочетов).

ным примером роста интереса к военной культуре служит появление и деятельность исторического клуба «Истоки» в поселке Провидения. Тут усилиями учащихся СПУ-2 во главе с директором училища Владимиром Ивановичем Чучупалом (1955–2010) было воссоздано в сильной для учащихся форме вооружение и одежда воинов Чукотки. В 2000-х гг. порядка трех десятков реконструкторов выезжали в тундру для проведения показательных боев, представлявших древние сражения¹.

Еще одним показателем неподдельного интереса к военному делу у самих жителей Чукотки являются мои встречи с читателями в Анадыре в конце сентября — начале октября 2013 г. и в марте 2017 г. Читатели не только задавали вопросы, но и сами рассказывали исторические предания, которые еще помнят коренные жители в возрасте 50–60 лет и старше². Фольклорные же знания среднего поколения более ограничены, а молодежь уже мало что знает, если не проявляет особого интереса к теме, который, надо сказать, все же усиливается.

По сравнению с книгой 2003 г. второе издание, вышедшее в 2017 г. под названием «Военная культура чукчей», было значительно расширено за счет привлечения дополнительных фольклорных материалов по теме как чукотских, так и аляскинских, эвенских, таймырских и других. Кроме того, привлечены последние работы по чукотской тематике и заново проработанный значительный блок архивных материалов. Верхней хронологической границей настоящей монографии признана не начало, а середина XX в., т. е. 1940-е — начало 1950-х гг., когда произошла сплошная коллективизация хозяйств оленных чукчей, во время которой произошло и изъятие оружия. В ходе нее традиционный уклад жизни был коренным образом изменен и в значительной степени потерян, тогда как в первой половине XX в. традиционное воспитание и определенные элементы военного дела продолжали существовать³. В настоящее третье издание внесен еще ряд исправлений и небольших дополнений из материалов, которые удалось собрать во второй половине 2016-го — первой половине 2017 г.

В заключение хотелось бы поблагодарить тех, кто помогал и способствовал появлению данного издания: кандидата филологических наук Идею Владимировну Куликову за консультации по чукотскому языку; докторов филологических наук Алексея Алексеевича Бурыкина

¹ Чучупал 2006: 2; Рожков 2008: 8.

² О моих визитах в Анадырь см.: Омруеве 2013а; 2017.

³ Ср.: Libby 1960: 298–301.

и Николая Борисовича Вахтина за ценные консультации по филолого-этнологическим вопросам; кандидата исторических наук Егора Андреевича Багина за ценные замечания по вооружению русских казаков; президента Ассоциации коренных малочисленных народов Чукотки (сейчас — члена Совета Федерации) Анну Ивановну Отке, исполнительного директора НКО «Фонд социального развития “Купол”» Людмилу Леонидовну Данилову и Татьяну Ивановну Бардашевич за возможность побывать в Анадыре в сентябре–октябре 2013 г. в рамках проекта «Ымыльо чезэкэй» («Все вместе») и в марте 2017 г. для презентации моих новых книг, что дало возможность собрать дополнительный материал на месте; директора ГУК «Музейного центра “Наследие Чукотки”» Ольгу Борисовну Расторгуеву за возможность поработать в хранилищах музея и Екатерину Павловну Отке за помощь в этой работе; заведующую Марковским филиалом анадырского музея Валентину Захаровну Делянскую за предоставление материалов об экспонатах своего музея; кандидатов исторических наук Кирилла Александровича Днепровского, Михаила Моковича Бронштейна и Елену Станиславовну Сухорукову за возможность познакомиться с чукотской археологической коллекцией Государственного музея искусства народов Востока; моих информантов по чукотской традиции: заслуженного артиста России Василия Петровича Кевкея, научного сотрудника Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН Владислава Николаевича Нувано, мастера по пошиву традиционной одежды Зинаиду Федоровну Тагрытвааль, бригадира-оленевода Сергея Петровича Тнаныквата, преподавателя чукотской борьбы тэйкэв Александра Яковлевича Ятгиргина, председателя отделения общества «Чычеткин вэтгав» в селе Мейньпильгыно Елену Викторовну Тевлявье и инженера-механика Валерия Дмитриевича Тымнэраскова.

*Александр Константинович Нефёдкин,
доктор исторических наук*

ВВЕДЕНИЕ

Сначала остановимся на характеристике основных источников по военной культуре чукчей. Их можно разделить на две большие группы: источники материальные и нарративные. К первой группе относятся археологические находки, этнографические коллекции музеев, причем как сами реальные предметы, так и иконографический материал.

Археология крайнего северо-востока Азии еще сравнительно молода и имеет много различных проблем, среди них можно выделить сложности датировки (из-за особенностей залегания археологических слоев) и этнической атрибуции находок. Однако именно археология позволяет проследить в общих чертах генезис различных видов вооружения и фортификации, а также сами материалы, из которых изготовлялось оружие. Среди музейных коллекций, содержащих богатый чукотско-эскимосский материал, следует выделить Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого и Российский этнографический музей в Санкт-Петербурге, Музейный центр «Наследие Чукотки» в Анадыре. Эти музейные собрания обладают значительным количеством наступательного и оборонительного вооружения и воинской одеждой, что дает нам реальное представление об облике и снаряжении чукотского воина в XVIII–XIX вв. Отдельно надо выделить иконографический материал, представленный как рисунками и позднее фотографиями путешественников, так и собственно чукотско-эскимосскими изображениями, в основном резьбой по моржовому клыку. Последняя форма искусства информирует нас не только о комплексе вооружения воинов, но и о некоторых тактических особенностях на основании преданий и легенд. К сожалению, европейцы не оставили изображений батальных сцен с участием чукчей, тогда как рисунки боев из самой Чукотки, выполненные в конце XIX–XX в., показывают нам лишь представления о войнах прошлого людей данного времени. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на изображения доспехов и сравнить их с сохранившимися экземплярами¹. Хотя, повторюсь, определенную информацию об оружии, комплексе вооружения и о тактике мы все же можем тут почерпнуть.

¹ Например, изображения см.: Антропова 1957: Рис. 34–35; Широков 1968: Рис. 7–9.

К письменным источникам относятся записи фольклорного материала, различного рода официальные документы и записки путешественников. Естественно, основным источником для изучения выбранной темы является фольклор. Именно в устном народном творчестве мы можем найти такую информацию, которая или вообще не встречается, или недостаточно освещена в других видах источников, — это свидетельства о стратегии и тактике, о способах ведения боя, об использовании различных видов оружия, боевом этосе и т. д. В целом сказок, имеющих военные сюжеты, не так много в сравнении с общим количеством записанного материала¹. Героический эпос, у других народов содержащий наиболее полный набор сведений о военном деле, у чукчей лишь формировался — это цикл сказаний о русском военачальнике-антигерое Якунине, о южночукотском герое Кунлелю, о богатыре Эленди и его сыновьях. Небезынтересны и исторические предания азиатских эскимосов о войнах как между собой («Как уназикские воевали с сивукакскими», «Нунагмитский кит» и т. д.), так и с соседними народами («Виютку-предводитель», «Сражение науканцев с иноплеменниками» и т. д.).

Следует отметить, что в фольклорных материалах народов северо-востока Азии не слишком много фантастических элементов — они отражают действительность или, по крайней мере, понимание ее людьми более позднего времени. Сказка обычно фиксирует свое внимание на главном герое и его окружении, часто наделяя их качествами богатырей, при этом подчас трудно определить, реальные это качества или гиперболизированные². Естественно, на интерпретации сюжета сказывалось и мировоззрение рассказчика, который вольно или невольно мог вносить в него нюансы, сглаживающие неудобные, с его точки зрения, углы. Причем в сказаниях, записанных во второй четверти XX в., особенно чувствуется миропонимание рассказчика, некая «гуманизация» повествования, наделение героя положительными качествами, а врагов — сугубо отрицательными, тогда как в материалах начала XX в. это полярное понимание не так заметно, там и

¹ Например, среди 216 текстов, собранных В. Г. Богоразом, лишь в 20 рассказывалось о войнах (Беликов 1956: 8, 14). В сборнике Е. С. Рубцовой (1954) из 45 эскимосских сказок лишь в одной (№ 16) рассказывается о набеге врагов и о военных действиях, в собрании же сиреникского фольклора Н. Б. Вахтина (2000) лишь четыре сказки из 77 имеют батальные сюжеты. Создается впечатление, что чукотский фольклор более «воинствен», чем эскимосский, а в последнем больше батальных сюжетов в сибирских сказках, чем в аляскинских.

² Беликов 1956: 15; Нефёдкин 2016: 7.

положительный персонаж мог быть убийцей и насильником, то есть обладать негативными, с нашей точки зрения, качествами. В целом, как отметил сибиревед И. С. Вдовин, «исторические предания, героические сказания народов северо-востока Сибири содержат весьма обширный исторический материал, в значительной своей части вполне надежный и точный»¹. Если судить по событиям, обычно псевдоисторическим, то основная масса информации в сказаниях относится к достаточно позднему периоду — к XVIII–XIX вв. Хотя сами события, о которых идет рассказ, могли происходить в иной исторический период, однако реалии сказки должны быть приближены ко времени рассказчика, чтобы его поняли слушатели.

Следующая группа письменных источников — исторические документы — датируется второй половиной XVII–XVIII в. Это «сказки» (устные рапорты) и челобитные казаков, документы ясачного сбора, указы властей, наказы посылаемым в экспедицию, донесения и записки воевод, составленные на основании последних записки-справки и указы Сената и т. д. Сюда же входят и записки чиновников (датируемые главным образом второй половиной XVIII в.), в которых для вышестоящих инстанций кратко излагались быт и нравы местных народов. Особенно много документов хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН и Российском государственном архиве древних актов, в так называемых «Портфелях Миллера», среди них можно также выделить документы местного краеведа капитана Тимофея Ивановича Шмалева (1736–1789), часть этих документов была уже опубликована². Естественно, в данной группе документов информация о военном деле мелькает лишь между прочим, хотя сами исторические события описываются неплохо. Конечно, тут присутствует и субъективизм описаний, особенно в информации о военных действиях. В частности, иногда явно завышена численность противников. Это происходило, с одной стороны, оттого, что врагов всегда кажется больше, чем есть, а с другой — вследствие стремления военных преувеличить значение своей победы или объяснить причину поражения. Так, например, в записках о гибели отряда майора Д. И. Павлуцкого (1747 г.) численность чукчей указывается участниками боя то в 400, то в 500, а то и в 600 воинов³. Разброс в числах, как видим, большой — 150%.

¹ Вдовин 1970: 23; ср.: Меновщиков 1964: 2; Беликов 1965: 168; Нефёдкин 2016: 7.

² Голицын 1899: 35–40; Андреев 1965: 140–141; Нефёдкин 2016а: 105–366.

³ КПЦ. № 65-2: 170; № 65-3: 171; № 66: 173.

Определенный материал по теме можно найти в описаниях путешественников. В них в основном содержатся этнографические описания оружия и одежды воинов, то есть того, что в первую очередь бросалось в глаза, намного меньше информации можно найти по другим областям военного дела. Среди работ этой группы источников следует выделить сочинение доктора и естествоиспытателя Карла Генриха Мерка (1761–1799), который в 1789–1792 гг., будучи участником экспедиции капитана И. Биллингса, собрал и описал с чисто немецкой скрупулезностью нравы и обычаи чукотского народа, в том числе и военные¹. В данной работе мы найдем не только сведения по одежде и вооружению, но очень краткие замечания по тактике. Ведь К. Мерк писал, так сказать, по свежим следам, когда период великих войн XVIII в. только что закончился и ветераны боевых действий могли компетентно информировать автора. В целом вся информация путешественников, а позднее — этнографов относится к XVIII (главным образом ко второй половине столетия) — первой трети XX в.

Работы первого чукчеведа Владимира Германовича Богораз (1865–1936), где вкратце затрагиваются вопросы военного дела чукчей, являются как бы переходными от чисто этнографического описания к исследованию². С одной стороны, автор, работавший среди чукчей в составе Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова (1895–1898), и в российско-американской Северо-Тихоокеанской экспедиции Джексона (1900–1901), организованной антропологом Ф. Боасом, выступает в качестве первоисточника и информатора, а с другой стороны, его работы — это научные исследования, анализирующие данный материал³. В. Г. Богораз рассматривал военное дело как одну из тем, не выделяя ее особо и поэтому говоря о ней весьма кратко. Ведь военное дело для него было скорее второстепенным историческим сюжетом по сравнению с другими более актуальными темами. Наиболее полное описание вооружения и иллюстрации мы найдем в его книге, посвященной материальной культуре чукчей⁴. Часть своих наблюдений, не вошедших в его научные работы, В. Г. Богораз отразил в художественных произведениях на сюжеты из жизни народностей северо-востока Сибири⁵.

¹ Мерк 1978; см.: Иванов 1978: 42–43.

² Богораз 1901: 28–33; 1934: 164–184; 1991: 88–101.

³ См.: Колесницкая 1971: 139–148, 153–159.

⁴ Богораз 1991: 88–101.

⁵ Например: Тан-Богораз 1979; 1979а; также см.: Беликов 1967: 84; Степанов 1967: 71–79.

В отечественной историографии имеются несколько работ, посвященных военному делу народов северо-востока Сибири. В 1903 г. этнограф Бруно Фридрихович Адлер (1874 — после 1932) издал культурологическую концептуальную статью о луке и стрелах в Северной Азии, географически охватив регион от Китая и Японии до Чукотки и Аляски. Данная работа базировалась на немецкой диссертации автора и его статье¹.

В 1957 г. была опубликована фундаментальная статья (точнее, монография в форме статьи) сибиреведа Валентины Васильевны Антроповой (1909–1976), специально посвященная военному делу народов северо-востока Сибири. Однако, как заметила сама исследовательница, она могла «разобрать только некоторые вопросы данной обширной темы»². В работе автор стремилась охватить всё, что известно о военном деле юкагиров, чукчей, эскимосов, коряков и ительменов: военная организация, анализ характера конфликтов, вооружение, укрепления, способы ведения войны, тренинг. Таким образом, работа получилась сделанной по принципу: «всё обо всем». Военное дело В. В. Антропова, как истинный марксистский исследователь, рассматривает с точки зрения социальной организации, уделяя главное внимание этому сюжету. Естественно, никто не будет отрицать того громадного влияния, какое оказывает социальная организация на комплектование, систему командования и даже на вооружение армии, но при этом на развитие военного дела этноса сильно воздействуют и другие факторы: наличие технологической базы, способы ведения войны противником и т. д. Сегодня данная работа нуждается в серьезных дополнениях, ведь значительная часть фольклорного материала чукчей и эскимосов была опубликована уже после ее выхода в свет. Впрочем, это никоим образом не влияет на общую высокую оценку данного труда.

О военном деле можно найти информацию и в более общих трудах по истории и этнографии чукчей, в частности в работе Иннокентия Степановича Вдовина (1907–1996)³. Однако сведения тут весьма краткие. Естественно, и в статьях, посвященных оружию народов Восточной Сибири, есть информация о нашем сюжете, в основном об оружии⁴.

¹ Адлер 1903.

² Антропова 1957: 226.

³ Вдовин 1965.

⁴ Ухтомский 1913; Мальцева 1968; Глинский 1986; 1987; 1989.

В 2003 г. появилась первая монография о военном деле чукчей, написанная автором этих строк, в процессе работы над темой вышли несколько статей¹. Работа имела положительные отклики и большой общественный резонанс, особенно на Чукотке². Интерес к теме значительно вырос. Показателем этого возросшего интереса к теме служит появление ряда статей. В процессе работы над диссертацией по анализу трансформации чукотского этноса в современную эпоху философ-этнолог Т. А. Брачун написала ряд статей, среди которых для нашей темы важна одна, рассматривающая русский стереотип об агрессивности чукчей. Агрессивность чукчей автор объясняет тем, что в это время у чукчей развивалось крупнотабунное оленеводство, для которого требовались пастбища, чем и была вызвана экспансия чукчей³.

В исторической монографии новосибирского историка Андрея Сергеевича Зуева, посвященной присоединению Чукотки к России в XVIII в., также есть часть, рассматривающая военное дело противников, русских и чукчей, с современной антропологической точки зрения. Данное описание базируется на предыдущих разработках автора, оформленных в виде отдельных статей, а также, главным образом, на докторской диссертации, защищенной в Томском университете в 2005 г.⁴ Главным достоинством монографии является активное использование неопубликованных архивных материалов.

Зарубежная специальная историография по теме невелика. Следует упомянуть зарисовку немецкого североведа Ганса Финдайзена (1903–1968), рассказывающую о некоторых аспектах военного дела народов Северо-Восточной Азии (чукчей, ительменов, гиляков, сроков и айнов). Информация о чукчах взята автором из описаний секретаря И. Биллингса М. Соура и В. Г. Богораза и не имеет самостоятельной научной ценности⁵.

¹ Нефёдкин 2003; второе значительно расширенное и дополненное издание: Нефёдкин 2017; английский вариант первого расширенного издания книги: Nefödkin 2016; отдельные статьи: Нефёдкин 2001; 2001a; 2002; 2012; 2015a; 2016в; 2018.

² Отзывы на первое издание книги см.: Нестеров 2003; Горин 2004; Военное дело чукчей 2006.

³ Брачун 2009: 9–10 (с массой фактических ошибок в изложении материала); Брачун, Сахибгоряев 2009: 50–55.

⁴ Зуев 2009: 258–313; статьи см.: Зуев 1998 (с рядом фактических ошибок); 1999; 2001; 2002; 2002a; 2002б; 2003; 2005; 2005a; 2006; 2007; 2007a; 2008.

⁵ Findeisen 1929/30.

Для сравнительного анализа военного дела сибирских и аляскинских эскимосов большое значение имеет исследование американского антрополога Эрнеста С. Бёрча (1938–2010), который работал среди эскимосов-инуитов около залива Нортон (Западная Аляска) в 1969–1970 гг. и записал свидетельства детей и внуков людей, принимавших участие в боевых действиях ранее 1880 г. Здесь мы найдем подробнейшее описание всех стадий проведения боевых действий — набегов, характерных для обитателей Аляски, и других ситуаций, случившихся на войне. Присутствуют также различные детали ведения кампании, не сохранившиеся в фольклоре Чукотки, где крупные по местным масштабам войны прекратились намного раньше¹.

Из работ французского эскимосоведа Жана Малори (1922 г. р.) следует упомянуть одну из его статей, которая с социологической точки зрения рассматривает положение воинов и рабов, способы проведения набегов, тактику и вооружение народов Чукотки и Аляски². Автор приводит интересные сведения о различных аспектах военного дела эскимосов, полученные им от информаторов с Аляски в 1960–1970-х годах. Данные же о сибирских народах приводятся им в качестве сравнения. Сведения Ж. Малори удачно дополняют информацию Э. Бёрча, в результате чего создается полноценная и весьма компетентно описанная картина способа ведения войны аляскинскими эскимосами.

В западной историографии исследовалось и вооружение народов Чукотки. Так, обширная статья известного немецкого этнографа Фридриха Ратцеля (1844–1904) рассматривает пластинчатый панцирь в северо-тихоокеанском регионе, в том числе на Чукотке и Аляске. Работа американского этнолога Уолтера Хафа (1859–1935) кратко описывает среди прочего защитного вооружения коренных жителей Северной Америки ламеллярные и кожаные ламинарные панцири эскимосов Берингова пролива, хранящиеся в Национальном музее естественной истории в Вашингтоне. Конструкцию пластинчатых панцирей с острова Св. Лаврентия рассмотрел в своей статье швейцарский историк Ганс-Георг Банди (1920–2016), а также современные американские исследователи Кори Купер и Габриэль Дж. Боуэн. Статья другого американского антрополога Джеймса Ванстоуна (1925–2001) посвящена анализу доспешного комплекса азиатских эскимосов, храняще-

¹ Burch 1974. Как показали в своей статье П. Швайтцер и Е.В. Головки (2001), на побережье Аляски память о набеге азиатов более свежа благодаря привязке исторических событий к ландшафту местности (ср.: Burch 1998: 127–128, 221–230).

² Malaurie 1974.

гося в Полевом музее естественной истории в Чикаго. В работе автор сопоставляет этот доспех с пятью другими сохранившимися бронями с крыльями, происходящими с Чукотки и с о. Св. Лаврентия, после чего переходит к использованию их в бою¹.

Итак, можно констатировать, что основными направлениями в изучении выбранной темы являются рассмотрение различных видов вооружения (Ф. Ратцель, У. Хаф, Д. Э. Ухтомский, Г.-Г. Банди, Дж. Ванстоун, Е. А. Глинский, К. Купер и Дж. Габриэль) и общие очерки военного дела чукчей в этнографических работах об этом этносе (В. Г. Богораз, И. С. Вдовин) и в статьях, посвященных характеристике военного дела народов региона (Г. Финдайзен, В. В. Антропова, Ж. Малори). Однако монографическому исследованию, способному осветить все или, по крайней мере, большинство аспектов военного дела чукчей, данная тема еще не подвергалась.

Основная задача настоящей работы состоит в анализе сведений о военном деле чукчей и, следовательно, в более подробном воспроизведении общей картины способа ведения войны, а также во взгляде на военное дело чукчей с военной же точки зрения в общем контексте военно-исторического развития.

Поскольку большая часть чукчей являлась кочевниками-оленеводами, то основной блок материала относится к ним. Вследствие того, что оседлые чукчи имели идентичную с азиатскими эскимосами материальную культуру и способы ведения войны, то и сведения об этих двух этносах нужно разбирать вместе². Кроме того, для работы необходимо было привлечь и материалы по эскимосам западного побережья Аляски, которые генетически связаны со своими азиатскими сородичами, что давало возможность сравнивать их военное дело и выявлять особенности военного развития первых. При подобном сравнении ясно видно взаимовлияние соседних этносов, главным образом чукчей на эскимосов и наоборот. Следует отметить, что в данной книге чукчами я называю именно чукчей, тогда как в цитированных документах XVII–XIX вв. под «сидячими» или «пешими» (приморскими) чукчами подразумевались как эскимосы, так и собственно оседлые чукчи³. Если речь точно идет об эскимосах, то это обычно оговаривается.

¹ Ratzel 1887; Hough 1895: 631–635; Bandi 1974 /75; VanStone 1983; Cooper, Gabriel 2013.

² Ср.: Антропова 1957: 113–114.

³ Ср.: Вдовин 1944: 262; 1961a: 54.